

И. В. ОРЖЕХОВСКИЙ, В. А. ТЕПЛОВА

## «ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС» И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Разделы Речи Посполитой положили конец политическому существованию одного из крупнейших государств Восточной Европы, обусловив возникновение «польского вопроса», который до начала XX в. оставался важнейшим в европейской политике.

Особенностью его являлось постоянное стремление подавляющего большинства шляхетского сословия и нарождающейся интеллигенции бывшей Речи Посполитой к восстановлению утраченной государственности, что делало «польский вопрос» постоянно острым и злободневным.

Российское правительство четко реагировало на эту особенность и по-разному подходило к решению почти всех наиболее существенных политических проблем на территориях бывшего Великого княжества Литовского, вошедших в состав Российской империи. Наиболее отчетливо «польский вопрос» проявился в сословной, законодательной, национально-религиозной политике и в области просвещения.

Оставаясь неизменной в своей сущности, формы и методы этой политики менялись в зависимости от политической ситуации в белорусско-литовском регионе. Если для эпохи Александра I была характерна политика «западничества», связанная с реформированием государственного устройства и широким распространением идей конституционализма, то время Николая I означало возврат к традиционалистскому, «почвенническому» пути развития России [8, 52]. Содержание николаевского курса составили поиски своего, не похожего на западный, пути развития. Идеологическим обоснованием этой политики стала «теория официальной народности», одним из проявлений которой было укрепление основ монархического правления.

Исходя из представлений о территориях, ранее входивших в состав Великого княжества Литовского как исконно русских, правительство считало важнейшими задачами всемерное привлечение на свою сторону населения вновь приобретенных территорий, восстановление утраченных в течение XVII—XVIII вв. позиций православия, а также полное устранение какого-либо влияния Рима на внутренние дела России, особенно касающиеся просвещения. Направленная на укрепление имперских позиций России, эта политика носила ярко выраженный сословный характер.

По отношению к местному дворянству она определялась пониманием его особенностей, сложившихся исторически. Прежде всего правительство учитывало, что

дворянская земельная собственность на территориях, «отторгнутых от Польши», уже к началу XVIII в. потеряла характер условного держания, в то время как в России только манифест Петра III (1762 г.) освободил дворян от несения обязательной государственной службы. Существенные различия имелись и в формах дворянского землевладения. В частности, Россия не знала такой социальной группы, как мелкая шляхта, положение которой порой приближалось к положению крестьянина-однодворца. Процент дворянского сословия в среднем по России был намного ниже, чем в Беларуси [26, 15, 17]. Обедневшие дворяне в России, теряя свои привилегии, переходили на государственную службу, военную или гражданскую. В Беларуси же обедневшая шляхта формально не отличалась от магнатов и юридически имела с ними одинаковые права. Разница в правовом статусе дворянства в России и в Беларуси была довольно значительная. В бывшей Речи Посполитой шляхта не привыкла к беспрекословному послушанию государственной власти. Традиция эта восходила еще к эпохе «золотых вольностей дворянства». В России, где существовала неограниченная монархия, традиции политической жизни были совсем другие. Поэтому политика российского правительства по отношению к дворянству Беларуси и Литвы отличалась крайней осторожностью [9, 12].

Обещания русского правительства не нарушать существующих шляхетских прав и господствующих общественных отношений обусловили в конце XVIII в. достаточно спокойный переход новых подданных в состав Российского государства [1, 182].

Вместе с тем правительство решительно покончило с бесконтрольной самостоятельностью феодалов. Шляхта лишилась права на конфедерации, на содержание своего войска и частных крепостей. Кроме этого, на основании «Жалованной грамоты» 1775 г. Екатерина II провозгласила, что «каждое состояние из жителей присоединенных земель вступает с самого сего дня во все оному свойственные выгоды по всему пространству империи Российской». Дворянству и купечеству белорусских земель в 1773 г. было позволено выбирать депутатов для выработки проекта нового общегосударственного Уложения [1, 79]. В 1777 г. были проведены выборы повтовых и губернских предводителей дворянства, созданы повтовые и губернские дворянские сходы. Основная масса белорусской шляхты осталась весьма удовлетворенной своим новым положением.

Пытаясь привлечь на свою сторону оппозиционно настроенных польских, белорусских и литовских дворян, оставаясь верным традициям социальной ассимиляции, русское правительство не только предоставило местным дворянам все права и привилегии, какими обладало российское дворянство, но и разрешило повсеместно пользоваться «местными законами», если они не противоречили российским. Поэтому основным законодательным кодексом, действовавшим на территории Беларуси вплоть до 1840 г., оставался Статут Великого княжества Литовского [18]. И не случайно во всех указах, вышедших в конце XVIII и в первой четверти XIX в., подчеркивалось, что «суд и расправа» являются сугубо внутренними делами «территорий, вновь присоединенных к России» и должны основываться «на местном праве» и вестись «на местном наречии». Тем не менее, местная администрация, создаваемая по российским нормам, была строго подчинена центральной власти.

Новым в правительственном курсе были различия, которые отчетливо проявились по отношению к разным группам белорусского дворянства. На первый план

выдвигалась политика по отношению к мелкой шляхте, составлявшей абсолютное большинство местного привилегированного сословия. Это проявилось, прежде всего, в политике так называемого «разбора шляхты», которая заключалась в приписке бывших шляхтичей к различным группам податного сословия. И хотя «разбор шляхты» был декларирован еще в 1772 г., реализация его проводилась медленно и непоследовательно, особенно ввиду усложнившейся юридической системы доказательства дворянского происхождения. С начала XIX в. одним из способов ослабления позиций мелкого дворянства являлось изменение законодательства о дворянских выборах, которое лишало его возможности непосредственно участвовать в выборах местных судебных органов. «Разбор» являлся необходимым не только с точки зрения слияния экономической и политической жизни белорусских губерний с общероссийскими, но и с фискальной, т. е. с желанием правительства увеличить число плательщиков податей и поставщиков рекрутов. Все это способствовало уравниванию положения дворянского сословия Беларуси с общероссийским [9, 13; 26, 12].

С конца XVIII в. — до начала 30-х гг. XIX в. дворянство Беларуси, как правило, являлось активным участником вооруженных выступлений за восстановление Речи Посполитой. Политика правительства по отношению к повстанцам, а также членам тайных обществ, вплоть до 30-х гг. была двойственной, не изменяясь с конца XVIII в. и на протяжении всей первой трети XIX в.

Участники наиболее массовых антиимперских выступлений (восстание Т. Костюшко; участие в войне 1812 г. на стороне Наполеона; восстания 1830—1831 гг.) практически остались без наказания. Этим правительство пыталось привлечь на свою сторону высшее сословие белорусских губерний. Одновременно шел процесс ограничения прав и привилегий мелкой шляхты. В результате ее положение ухудшалось, а стремление к восстановлению Речи Посполитой возрастало. Отсюда и широкое участие мелкой белорусской шляхты на всем протяжении первой половины XIX в. в оппозиционном движении, польском по своей сущности. И не случайно именно представители мелкой шляхты в первую очередь подвергались репрессиям. Аресты, высылка во внутренние губернии империи, секретный надзор полиции, цензура частной переписки становятся традиционными средствами «успокоения» шляхты.

Не меньшей гибкостью отличалась и правительственная политика по отношению к белорусскому крестьянству. Из-за слабой платежеспособности оно еще при Екатерине II на два года освобождалось от выплаты государственных податей, а на протяжении последующих 10 лет подушный налог собирался в половинном размере по сравнению с российскими налогоплательщиками. В 1776 г. при сдаче казенных имений в аренду управляющим и арендаторам рекомендовалось избегать физических наказаний крестьян. В 1797 г. размер барщины ограничивался тремя днями в неделю, хотя на деле этот законодательный акт не применялся и оставался только на бумаге [4, 21—22].

Крестьянская политика Александра I определялась, прежде всего, его отношением к местному дворянству. Стремясь привлечь последнее на свою сторону, правительство, по существу, игнорировало крестьянскую проблему, хотя в начале XIX в. оно неоднократно проводило ревизии имущественного положения крестьян. Тем не менее, раздача крестьян русским сановникам была приостановлена из-за

сильного сопротивления государственных крестьян переводу их в разряд помещичьих [23, 102]. Несмотря на то, что в 1812 г. крестьянство Беларуси по отношению к России в целом проявило лояльность, крепостное право в ней было сохранено, рекрутские наборы продолжались, налоги не уменьшились. В то же самое время местная шляхта, скомпрометированная сотрудничеством с Наполеоном, сохранила все свои привилегии [15].

Позиция белорусского дворянства, проявившаяся в ходе восстания 1830—1831 гг., послужила одной из наиболее веских причин, заставивших правительство Николая I пересмотреть свое отношение к белорусскому крестьянству и начать активное проведение последовательной политики деполонизации Беларуси. События начала 30-х гг. заставили правительство взглянуть на белорусское крестьянство как на своего союзника и постараться привлечь его на свою сторону. Одним из такого рода начинаний, а также попыткой сдерживания процесса разорения крестьян, стали аграрные реформы, проведенные в 30—50-е гг. в государственной и помещичьей деревне, которые рассматривались правительством и как основа стабильности белорусско-литовского региона [34, 172].

Неразрывно с общим содержанием политического курса, проводимого Российским правительством, была связана и политика в области законодательства. Несмотря на явно благожелательное отношение самодержавия к местному дворянству, в шляхетском сознании жила идея былой независимости Великого княжества Литовского, ярко проявлявшаяся в так называемом литвинском патриотизме. Российское правительство учитывало эту особенность местного менталитета и по-разному подходило к решению наиболее существенных проблем бывшего Великого княжества Литовского и собственно Польши.

Так, накануне войны с Францией Александру I было важно обеспечить поддержку со стороны дворянства Литвы и Беларуси, поскольку польская общественность была склонна поддерживать Наполеона, надеясь на восстановление утраченной государственности. Поэтому император существенно понизил налоги с Великого княжества Литовского, поступавшие в казну, а также заявил о своем желании восстановить целостность Великого княжества Литовского под эгидой России. Именно по поручению Александра в 1811 г. М. Огинский, К. Любецкий, К. Плятер, К. Любомирский и С. Грабовский составили проект «Положения о правлении автономным Великим Княжеством Литовским», в состав которого должны были войти все территории, вошедшие в состав Российской империи от бывшей Речи Посполитой в 1772—1807 гг.

Первым шагом на пути автономии должно было стать провозглашение манифеста Великого княжества Литовского. Предусматривалось также постепенное, проводимое на протяжении 10 лет, личное освобождение крестьян от крепостной зависимости. По-видимому, в этой же связи следует рассматривать и публикацию в 1811 г. «Статута Великого Княжества Литовского», предпринятую с польского издания 1786 г. на польском и русском языках [5, 89].

Однако кроме идеи автономной связи Великого княжества Литовского с Россией у Александра I был и второй план, предложенный кн. А. Чарторижским. В частности, имелось в виду восстановить все Королевство Польское в границах 1772 г., при этом вовсе не упоминая о Великом княжестве Литовском [24, 340].

Война, начавшаяся с Наполеоном, коренным образом изменила ситуацию в Беларуси. Тем не менее, работа над новым изданием Статута продолжалась. В результате замеченных в издании 1811 г. ошибок, вызванных тем, что перевод был выполнен не с подлинника, а с польского перевода, работы по второму изданию Статута приостановились [5, 89]. Только 17 ноября 1828 г. положением Комитета министров было принято решение создать комиссию для перевода и издания Статута 1588 г. на русском и старобелорусском языках, а также его польского перевода 1614 г. [16]. Работа комиссии была закончена в 1834 г., но Литовский Статут так и не был издан [5, 89]: восстание 1830—1831 гг. к этому времени полностью похоронило идею автономии Великого княжества Литовского.

Вместо этого правительством Николая I была разработана программа слияния с империей всех земель, присоединенных к России в результате разделов Речи Посполитой. Эта программа полностью совпадала и с новым курсом самодержавия на унификацию общероссийского законодательства, которое нашло отражение в кодификации законов Российской империи. По императорскому Указу 1 января 1831 г. Российское законодательство «как по правительственной, так и по судебной части» было введено в Могилевской и Витебской губерниях [17], а 25 июня 1840 г. последовала отмена действия Статута Великого княжества Литовского «и дополнительных к нему постановлений» на территориях Минской, Виленской, Гродненской губерний и Белостокской области [18]. В 1840—1842 гг. правительством была проведена серия мероприятий по упорядочению местного делопроизводства. Итогом ее стал указ 18 июля 1840 г. [33, 495], который предписывал вместо общего названия «Белорусские и Литовские губернии» употреблять их отдельные наименования: «Витебская, Могилевская, Виленская и Гродненская» (следует заметить, что Минская губерния официально не относилась ни к Белорусским, ни к Литовским губерниям).

В соответствии с указом 18 июля, названия «Украина» и «Литва» постепенно заменялись на Юго-западный и Северо-западный край. Название же «Белоруссия» и «белорусский», также как «Малороссия», «малоросский» и «Великороссия», «великоросский» никогда не запрещались и не исключались из официального употребления, поскольку имели общий корень «рос», свидетельствовавший, с точки зрения российской администрации, «об единстве происхождения трех племен русского народа».

Основное содержание конфессиональной политики на территории Беларуси составляло восстановление утраченных позиций православия, не раздражая при этом католическую церковь. Несмотря на свое господствующее положение, которое заняла православная церковь в Беларуси после разделов Речи Посполитой, она по-прежнему продолжала находиться в тяжелом материальном и моральном положении. Верующими в основном были крепостные крестьяне, мелкая шляхта и мещане. Дворянство, преимущественно католическое, враждебно относилось к православию и мало заботилось об устройстве православных приходов. Кроме того, православная церковь Беларуси, оказавшись в составе Российской империи, столкнулась с новым для нее каноническим устройством, заключавшемся в синодальном управлении и в отсутствии патриаршества. Тем не менее, положение православных улучшилось потому, что они стали членами господствующей в России церкви. Более того, Указом 1772 г. католикам и униатам запрещалось совращать православных тайно и явно. Во вновь образованных Псковской и Могилевской епархиях (с 1797 г.

Могилевская и Полоцкая) были обнародованы правительственные распоряжения, запрещавшие под страхом строгой ответственности совращать православных в унию и без согласия русского правительства обнародовать папские буллы. Вместе с тем предписывалось, чтобы сыновья от смешанных браков считались православными. Эти распоряжения не только упрочили положение православного населения Белоруссии, но и во многом повлияли на настроения униатов, сыграв не последнюю роль в последующем их воссоединении с православием.

По отношению к католицизму Российское правительство проводило политику, суть которой сводилась к созданию местной (наподобие галликанской), независимой от Рима церкви. В 1773 г. была учреждена Белорусская католическая епархия во главе с архиепископом Станиславом Богуш-Сестренцевичем, представителем местного дворянства. За католиками сохранялись все права на свободное исполнение догматов и обрядов. Имущество католических костелов и монастырей оставалось в их полной собственности и неприкосновенности. Запрещенный римским папой еще в 1773 г. орден иезуитов не только нашел себе прибежище в Беларуси и укрепил свое материальное положение, но и значительно расширил сферу деятельности в области образования. Обеспечивая католикам свободу вероисповедания, Екатерина II не признавала Папу верховной главой римо-католичества и отрицала его право на вмешательство в дела внутреннего устройства католического духовенства. Поэтому католическая церковь в административном отношении должна была зависеть не от Папы, а только от Российского императора.

Российское правительство в отношении униатской церкви придерживалось политики, направленной на всемерную поддержку сторонников ее сближения с православием и очищения от латинизмов. Это неизбежно задерживало начавшийся процесс воссоединения униатов с православием. Только в 1794 г. после восстания Т. Костюшко императрицей был издан указ, чтобы «никто из шляхты, духовных или правительственных особ не противодействовал переходу из унии в православие». В 1795 г., после третьего раздела Речи Посполитой, все униатские епископии были закрыты, в том числе и униатская митрополия. Единственным униатским архиереем оставался полоцкий архиепископ Ираклий Лисовский, пользовавшийся полным доверием императрицы.

Процесс воссоединения двух церквей был приостановлен при Павле I. Его увлечение идеей защиты христианской церкви от посягательств антихриста (им в представлении Павла I был Наполеон) привело к новому укреплению позиций католицизма. В 1798 г. были учреждены две новые униатские епархии: Брестская (для губерний Минской и Литовской) и Луцкая (для Волынской и Подольской). Однако, не считая греко-католическую церковь канонически самостоятельной, Павел I подчинил ее католической коллегии [14]. Последствием этой политики стала активная пропаганда католичества и обращение в латинство как униатов, так и православных.

В результате многочисленных протестов и деятельности Ираклия Лисовского, в 1799 г. был издан указ, которым католическому духовенству запрещалось «совращать униатов и православных в латинство». В том же году был издан и другой указ, которым повелевалось, чтобы католические епархии управлялись самостоятельно, без сношения с папой. Те же тенденции в конфессиональной политике сохранились и в правление Александра I [32, 63].

Полоцкая иезуитская коллегия указом 12 января 1812 г. была возведена в ранг академии с правами университета. Только после войны 1812 г., в ходе которой в белорусских губерниях, занятых Наполеоном, обнаружилось сотрудничество католического духовенства с наполеоновской администрацией, иезуиты были выдворены из России, а их имущество конфисковано. Тогда же была упразднена и Полоцкая академия.

Активизация католицизма в первой четверти XIX в. сказалась и на положении униатской церкви Беларуси. Это выразилось в участившейся практике перевода униатов в католицизм. Известны случаи, когда ксендзы, разъезжая по униатским приходам, объявляли о якобы имеющемся предписании российского правительства немедленно присоединить униатов к католикам. Участились случаи насильственного захвата католиками униатских храмов. Значительный урон авторитету униатской церкви нанесли базилиане, активные сторонники дальнейшей латинизации униатской церкви. Польская история, язык и литература были основными предметами базилианских школ. В результате постоянных жалоб иерархов униатской церкви в Санкт-Петербург в 1803 г. было запрещено обращаться униатов в католичество, а в 1805 г. католическая коллегия была разделена на два департамента, католический и униатский. Однако борьба внутри самой униатской церкви между базилианами и белым духовенством не прекратилась. В 1822 г. министр духовных дел и народного просвещения кн. А. Голицын предложил униатскому департаменту закрыть базилианские монастыри, находившиеся в населенных пунктах с православным населением. В результате в Белорусской базилианской провинции осталось 18 монастырей, в Литовской — 12.

Смена политического курса в царствование императора Николая I привела к кардинальным переменам в религиозной ситуации в Беларуси. В отличие от своего старшего брата, Николай I именно в православной церкви искал опору своей политике [20]. С целью повышения престижа православной церкви, нравственного и образовательного уровня духовенства в конце 20 — начале 30-х гг. им проводится широкая церковная реформа, коренным образом изменившая положение православной церкви в Российской империи [30, 231]. Укрепляется положение православия и в Беларуси. Еще в 1826 г. распоряжением императора католикам запрещалось строить каплицы в местностях с православным населением. В 1827—1830 гг. последовала серия мероприятий, направленных на реформирование униатской церкви по пути ее сближения с православием. Во главе этого движения стоял Иосиф Семашко, тогда ассессор второго департамента римско-католической коллегии от Луцкой епархии. Именно по его инициативе была учреждена отдельная греко-униатская коллегия, вместо четырех униатских епархий созданы две — Белорусская и Литовская. В базилианские монастыри предписывалось принимать только униатов, хорошо знающих славянский язык и обряды греко-восточного богослужения; в практике церковного богослужения — использовать «местное наречие», т. е. белорусский язык. Предусматривалась также ликвидация какой-либо зависимости униатского духовенства от помещиков-католиков. В основу униатского обучения была положена православная система образования. В Виленскую католическую семинарию запрещалось принимать униатов. Для них была создана отдельная семинария в Жировичах (1828 г.).

Жировичская семинария сразу же вызвала к себе оппозицию и неприязнь со стороны привилегированных слоев местного населения, известных своими католическо-польскими настроениями. Воспоминания первого ректора семинарии архиепископа Антония (Зубко) очень живо передают «поповско-народный патриотизм» первых преподавателей и воспитанников семинарии, стремившихся «просветить опошленное польским иезуитизмом белое греко-униатское духовенство». Сподвижник Иосифа Семашко вспоминает, что желание способствовать пробуждению народного самосознания было чрезвычайно велико и до 1831 г., т. е. «до мятежа польского, у нас не было серьезной речи о воссоединении с православием...» [35, 289—302].

Кардинальные изменения произошли и в положении ордена базилиан. Униатской коллегии было поручено произвести ревизию всех базилианских монастырей и ненужные закрыть [2, 93]. В результате более 60 базилианских монастырей было упразднено, а их фондуши с Высочайшего согласия, поступили на содержание униатских училищ и белого духовенства. По настоянию Иосифа Семашко после смерти прокуратора ордена базилиан, проживавшего в Риме, его должность упразднялась, что безусловно ослабляло связь базилиан с Папой.

Для ознакомления униатского духовенства с вероучением православной церкви Иосиф Семашко предпринял публикацию на польском языке и распространение сочинения митрополита Московского Филарета «Разговоры между испытующим и уверенным о Православии Греко-Российской Восточной Церкви». В результате нововведений униатская иерархия отделилась от католической и была создана униатская образовательная база, что привело к росту проправославных настроений среди униатского духовенства. В 1829 г. Иосиф Семашко был назначен викарным епископом и председателем консистории Белорусской греко-униатской епархии, с правом присутствия в петербургской коллегии.

Польское восстание 1830—1831 гг. и участие в нем части униатского духовенства предопределили дальнейшую судьбу униатской церкви. Для усиления позиций православия на Беларуси в 1833 г. была открыта Полоцкая епархия во главе с епископом Смарагдом Крыжановским. Деятельность иерархов униатской церкви, сторонников воссоединения с православием, приняла более целенаправленный и активный характер. Однако торопливость в процессе воссоединения, зачастую сопровождавшаяся неумелыми действиями прибывшего из России духовенства, не понимающего местные традиции и особенности, а также грубые промахи губернской администрации, вызывали не только возмущение униатского духовенства, но и способствовали крестьянским волнениям [30, 87]. Опасения усиления выступлений крестьян привели к изменению тактики в деле воссоединения церквей. В частности, «Высочайшее повеление» от 13 января 1834 г. предписывало православным епископам действовать «осторожно и неторопливо», а униатским — такую «осторожно и постепенно» очищать униатскую церковь от латинства. В мае 1835 г. был учрежден Секретный комитет по делам униатской церкви, в ведении которого была сосредоточена вся деятельность по воссоединению двух церквей. В январе 1837 г. заведение униатской церковью перешло к св. Синоду. После кончины униатского митрополита Юсафата Булгака (1838 г.), противника воссоединения, председателем греко-униатской коллегии был назначен епископ литовский Иосиф

Семашко, а Белорусскую (униатскую) епархию возглавил епископ Василий Лужинский, активный сторонник воссоединения.

Наиболее спокойно дело церковного воссоединения шло в Литовской епархии. Из 1057 служителей униатской церкви за объединение высказалось 760 [30, 231]. В Полоцкой епархии соединение встречало оппозицию не только духовенства, но и части мирян. Здесь из 680 церковных деятелей согласие дали только 186 [30, 218]. Для ускорения воссоединения в конце 1838 г. в Беларусь из Петербурга прибыл представитель обер-прокурора св. Синода надворный советник В. Скрипицын. Вместе с Иосифом Семашко они сумели добиться согласия большинства униатского духовенства на воссоединение с православием.

12 февраля 1839 г. в Полоцке на церковном соборе епископами и начальствующим духовенством был подписан «Соборный акт» о соединении церквей и составлено прошение на высочайшее имя. 26 февраля Иосиф Семашко передал прошение и «Соборный акт» обер-прокурору св. Синода гр. Н. Протасову, который 1 марта представил их на утверждение императора. К прошению был приложен список 1305 священников, которые высказались за воссоединение. 25 марта «синодальное деяние» утвердил Николай I. Униатам были оставлены те обряды и обычаи, которые не противоречили сущности православия. Всего в 1839 г. воссоединилось свыше 1605 приходов и более 1 млн 600 тыс. человек. Уже после Полоцкого собора часть бывших униатов перешла без разрешения церковных властей в католицизм. С 1842 г. Синод предписал возвращать таких верующих в православие, что, в свою очередь, вызвало протест со стороны католических иерархов.

Для усиления позиций православия в 1840 г. Синод предписал духовенству западных губерний читать проповеди по праздникам и воскресеньям на понятном для прихожан языке; руководству же епархий предлагалось больше заботиться о развитии народного образования. Это дало свои результаты. Так, в 1850 г. в Литовской губернии было открыто 37 церковно-приходских школ с 1211 учениками и 56 учителями.

Исходя из представления о воссоединенных территориях как исконно русских, российское правительство одной из своих важнейших задач считало реорганизацию просвещения на началах, полностью отвечающих его интересам. Наиболее отчетливо задачи правительства были сформулированы в записке Белорусского генерал-губернатора князя Н. Н. Хованского, которая была представлена Александру I в 1824 г. «В Белоруссии, — писал Хованский, — со времени присоединения ее к Российской империи, воспитание юношества находится в руках католического и униатского духовенства» [31, 245—246]. И далее он продолжал, что «...в школах монашеских орденов юношество обучается по методам старинных авторов, науки преподаются на польском или латинском языках, словесность заключается в обучении польскому языку, латинскому и некоторым иностранным, а российский остается в полном небрежении». Молодые люди, окончившие гимназии, были не способны к гражданской службе, так как не умели правильно переписать бумаги на русском языке. Однако, не желая обострения с местным дворянством, правительство не решалось посягнуть на господствующую в Беларуси традиционную школу. Поэтому система образования Беларуси в первой четверти XIX в. была построена на принципах, заложенных еще Эдукационной комиссией. По реформе образования 1802 г. вся территория Беларуси вошла в состав Виленского учебного округа

(1803—1824), во главе которого стоял князь А. Чарторижский. Пользуясь безграничным доверием Александра I и министров народного просвещения П. Завадовского и А. Разумовского, Чарторижский мог смело проводить идеи восстановления самостоятельности Польши, которые, по его собственному признанию, «были альфой и омегой» всей его жизни [24, 340].

По реформе 1802 г. в основу системы образования Беларуси, также как и России, были положены принципы бессословности, бесплатности обучения на низших его ступенях, преемственности учебных программ с тем, чтобы окончивший низшую ступень мог беспрепятственно поступить в высшую. В соответствии с реформой создавалось несколько типов учебных заведений. Начальная школа была представлена одноклассными приходскими училищами с двухлетним сроком обучения, предназначенными для «низших сословий», преимущественно крестьянских детей. Среднее образование давали уездные училища и гимназии. В первые десятилетия XIX в. в Беларуси действовала сеть училищ при католических и базилианских монастырях. Они давали среднее образование и приравнивались к уездным училищам или гимназиям. Однако их число на протяжении первой трети XIX в. постепенно сокращалось, а в 1832 г. в связи с закрытием католических монастырей они были преобразованы в светские.

Высшей ступенью образования был Виленский университет с 4 отделениями (факультетами). В функции университета входила также организация учебного процесса в учебном округе в целом. Университет должен был разрабатывать учебные программы, выпускать учебники, назначать учителей в гимназии и училища. Университет издавал научно-литературный журнал «*Dziennik Wileński*» и был своеобразным центром культурной жизни края, вокруг которого спланировалась местная интеллигенция. Преподавание в учебных заведениях Виленского округа велось исключительно на польском языке; русский язык преподавался как одна из учебных дисциплин.

Раскрытие в 1823 г. тайных организаций в учебных заведениях Виленского учебного округа позволили правительству начать процесс русификации системы образования. Для этого были полностью пересмотрены учебные программы и учебники. По плану нового попечителя округа Н. Н. Новосильцева началась ликвидация поветовых училищ с «гимназимальным» (гимназическим) курсом наук. Из десяти таких училищ только два — в Гродно и Жировичах — получили статус гимназии. Восемь же остальных были превращены в обычные поветовые училища, выпускники которых не имели права продолжить образование в университете.

По-другому разворачивались события в Витебской и Могилевской губерниях, учебные заведения которых в 1824 г. были переданы в подчинение Петербургского учебного округа. Несмотря на это, сколько-нибудь полного объединения местной системы образования с российской не произошло.

Важным элементом системы образования на белорусских землях была деятельность иезуитских учебных заведений, особенно Полоцкой академии. Академия открылась в 1812 г., имела факультеты языков, вольных наук (философия, естествознание, гражданские), теологии. Вплоть до своего закрытия в 1820 г. академия была фактическим центром высшего католического образования всей России. Среднее католическое образование Беларуси первой половины XIX в. было представлено Главной духовной семинарией при Виленском университете и Полоцкой униатской семинарией.

Православное духовное образование Беларуси находилось в стадии формирования. Его центром по-прежнему оставалась Могилевская семинария, много сделавшая для создания сети начальных духовных школ. Согласно статуту 1808 г. начинается организация поветовых училищ, которые должны были начать подготовку будущих воспитанников местных семинарий.

Изменения в системе просвещения Беларуси начались после раскрытия в учебных заведениях Виленского учебного округа тайных обществ. Восшествие на престол императора Николая I, известного своими антипольскими настроениями, сделали этот процесс необратимым [21, л. 1; 26]. В основу народного просвещения при новом императоре был положен принцип строгой сословности, что нашло свое воплощение в изданном в 1828 г. Уставе учебных заведений [13]. Согласно новому уставу начальное и среднее образование подразделялось на три категории: для детей низших сословий (крестьян) предназначались одноклассные приходские училища с элементарной программой обучения; для «средних» сословий — трехклассные училища с более широкой программой начального обучения; для детей дворян и чиновников учреждались семиклассные гимназии, окончание которых давало право для поступления в университеты. Устав ликвидировал преемственную связь между ступенями, поскольку уровень образования должен был соответствовать социальному положению учащегося, дабы «никто не стремился возвыситься над тем состоянием, в коем ему суждено оставаться». По новому положению об учебных округах 1835 г. последние изымались из подчинения университетам; при этом существенно расширялись права попечителей учебных округов.

В полном соответствии с положением Устава 1828 г. был образован Белорусский учебный округ (1829 г.) с четко очерченными административно-этническими границами белорусской территории. Дополнительные пункты устава объясняли «особенностями Белоруссии» и предписывали «обучать местному языку»; цель создания округа — «необходимость обучения юношества в соответствии с...» [12, л. 142; 13, л. 47—48; 19, л. 31—46]. В ведение нового учебного округа были включены губернии: Витебская, Могилевская, а в 1831 г. и Минская.

События 1830—1831 гг. заставили правительство активизировать свою политику в Беларуси. В декабре 1830 г. тогдашний Могилевский губернатор М. Муравьев обратился к Николаю I с запиской, в которой обосновывал необходимость немедленной и полной ликвидации польского и католического влияния на работу школ в Беларуси [20, л. 6—6 об; 22, л. 342]. В апреле 1831 г. последовало «высочайшее повеление», в котором указывалось, что «способ нынешнего воспитания юношества в Белоруссии и других губерниях, возвращенных от Польши, требует неотлагательного преобразования и совершенствования». В связи с этим Министерству просвещения и попечителю округа рекомендовалось «приложить все возможные старания к скорейшему исправлению училищ при римско-католических монастырях и о преподавании на русском языке в светских училищах, имея постоянно целью направление публичного воспитания к сближению тамошних жителей с природными русскими». В мае 1832 г. в связи с закрытием Виленского университета был ликвидирован и Виленский учебный округ. Учебные заведения Виленской, Гродненской губерний и Белостокская область были включены в состав Белорусского учебного округа. Центр учебного округа находился в г. Витебске, его попечителями были известный математик Г. Карташевский

(1829—1835 гг.) и бывший директор училищ Закавказской области и Тифлисского благородного пансиона Е. Грубер (1836—1850 гг.).

Взамен закрытому Виленскому университету предполагалось открыть высшее училище для детей дворян в Орше с дальнейшим его преобразованием в высшее учебное заведение [10, л. 339—340]. Однако в ходе восстания начатые работы были остановлены, ассигнованные для этого деньги были переведены в Киев на строительство университета св. Владимира.

Система образования в первой половине XIX в. не ограничивалась только мужским и духовным образованием. Вместе с ними в Беларуси действовали женские монашеские частные пансионы.

Преподавание во всех типах учебных заведений Белорусского учебного округа было переведено на русский язык, а польский язык исключался из программ образования [11, л. 1—5, 123—130]. Лишь в западных губерниях округа он изучался как отдельный предмет по сокращенной программе. Выпускникам Виленского университета запрещалось преподавать в местных школах. Подготовку преподавателей для Беларуси начинает вести учительская семинария, созданная в 1834 г. в Витебске.

Важным событием в области просвещения было открытие в 1840 г. в Горы-Горках земледельческой школы, которая в 1848 г. была преобразована в земледельческий институт. Тем самым было положено начало формирования в Беларуси системы профессионального образования.

Отличительной чертой системы образования стало расширение сети военно-учебных заведений. Если в эпоху Александра I они были представлены юнкерскими училищами в Бобруйске, Динабурге и Могилеве, то при Николае I были открыты кадетские корпуса в Полоцке (1835 г.) и Бресте (1842 г.). Созданные в связи с укреплением общероссийской военной школы в целом, кадетские корпуса Беларуси рассматривались правительством и как средство воспитания оппозиционно настроенного дворянства в духе преданности самодержавию и потому комплектовались наполовину за счет дворянства белорусских губерний.

Всего к началу 60-х гг. в Беларуси насчитывалось 567 учебных заведений всех типов, в том числе одно высшее, 12 средних, 21 духовное училище, свыше 400 начальных школ.

Проводившаяся в первой половине XIX в. на территории Беларуси правительственная политика была направлена на всемерное укрепление имперских позиций России в этом регионе. Ослабление польского влияния, усиление позиций православия, привлечение на свою сторону населения лежало в ее основе.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. *Анишчанка Я. К.* Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796 гады). Мн., 1998.
2. *Губина В. В.* Проблема определения конфессиональной принадлежности культовых зданий на Беларуси в XIX в. // Материалы V междунар. Кирилло-Мефодиевских чтений... Ч. I. Мн., 2000.
3. *Даловский Р.* Германия, Россия и польский вопрос. Спб., 1909.
4. *Ляшэвич М.* Расейская палітыка на землях былага Беларуска-Літоўскага гаспадарства за панавання Кацярыны II і Паўлы I. Вільня, 1933.
5. *Корево Н.* Об изданиях Законов Российской империи 1830—1899. Спб., 1900.
6. *Корф А.* Дворянство и его сословное управление 1762—1855. Спб., 1906.

7. Кронотов Д. А. Жизнь графа М. Н. Муравьева, в связи с событиями его времени и до назначения его губернатором в Гродно. СПб., 1874.
8. Леонтович В. В. История либерализма в России 1762—1914. М., 1995.
9. Луговцова С. - I. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Мн., 1999.
10. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ), ф. 3157, оп. 1, д. 161.
11. НИАБ, ф. 3157, оп. 1, д. 161, л. 1—5, 123—130.
12. НИАБ, ф. 3157, оп. 1, д. 12.
13. НИАБ, ф. 3157, оп. 1, д. 13.
14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Павла I. СПб., 1915. №№ 281, 514.
15. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Первое собр. Т. XXXII, № 25289.
16. ПСЗ. Второе собр. Т. III. № 2437.
17. ПСЗ. Второе собр. Т. VI. № 4233.
18. ПСЗ. Второе собр. Т. XV. № 13591.
19. Российский Государственный исторический архив (РГИА), ф. 1266, оп. 1, д. 8.
20. РГИА в Петербурге, ф. 1267, оп. 1, д. 23.
21. РГИА в Петербурге, ф. 735, оп. 10, д. 84.
22. РГИА в Петербурге, ф. 733, оп. 66, д. 6.
23. Сосна У. А. Фарміраванне саслоўна-групавога складу сялянства Беларусі ў канцы XVIII — першай палове XIX ст. Мн., 2000.
24. [Татищев С. С.]. Из прошлого русской дипломатии. Исторические исследования и полемические статьи С. С. Татищева. СПб, 1890.
25. Туміловіч Г. М. Дваранства Беларусі ў перыяд разлажэння і крызісу феадалізму (канец XVIII — першая палова XIX ст.). Мн., 1991.
26. Туміловіч Г. Н. Дворянство Белоруссии в конце XVIII — первой половине XIX в.): Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Мн., 1995.
27. Федосеева И. Е. Польский вопрос во внешней политике Первой империи во Франции. М., 1980.
28. Хронологический указатель указов и правительственных распоряжений по губерниям Западной России, Белоруссии и Малороссии за 240 лет, с 1652 по 1892 год / Сост. С. Ф. Рубинштейн. Вильна, 1894.
29. Шавельский Г. Последнее воссоединение с православной церковью униатов Белорусской епархии (1833—1839). СПб. 1910.
30. Швед В. Польскае пытанне і Беларусь у 1772—1863 гадах / Матэрыялы VII Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да ўзаемнасці». Беласток. 2000.
31. Шалкович С. В. Польское дело по отношению к Западной России. Вып. 1-й. Вильна, 1885.
32. Dobrzynsky Z. Prawosławni i grekokatolicy w dawnej Polsce. Cz. II. Warszawa, 1992.
33. Historia Polski. Pod red. S. Kieniewicza i W. Kuli. T. II. Cz. III. Warszawa, 1959.
34. Kuzielczuk A. Polityka narodowosciowa Rosji a polskie i białoruskie kwestie narodowe na przełomie XIX—XX wieku / Матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі «Шлях да озаемнасці». Гродна, 1999.
35. Записки архиепископа Антония (Зубко). О греко-униатской церкви в Западном крае // Русский вестник. Т. 53. 1984.